

А.-Р. А. ХАУЗЕНБЕРГ (г. Таллин)

ФОРМИРОВАНИЕ КОМИ ДИАЛЕКТОВ: ФАКТЫ И ГИПОТЕЗЫ

В результате планомерного собирания коми языковых фактов зафиксирована их вариантность, и на этой основе разработано членение языкового ареала на диалектные группы и диалекты. Это членение довольно правдиво отражает современное состояние вариативности языка, однако оно не описывает историю формирования диалектов. Язык же изменяется постоянно.

Определенный этап или ступень развития диалектов могут представлять изменения, которые произошли к тому времени, действуют закономерно и имеют явно очерченный ареал. К сожалению, изменения языковых элементов довольно трудно поддаются датировке, и даже их хронологическая систематизация часто затруднена. Несомненную помощь оказали бы языковые памятники. Наиболее древние записи коми языка, как известно, относятся лишь к XIV столетию. Опираясь на них (и, очевидно, учитывая современные диалектные ареалы), В. И. Лыткин охарактеризовал диалектное деление того времени следующим образом: «Вычегда с самого устья была занята населением, говорившим на древнепермском языке с некоторыми (небольшими) говорными особенностями. К северу были распространены удорский и вымский диалекты, отличающиеся от древнепермского языка, к востоку — восточный древнепермский говор, к югу находились сысольцы, говорившие на диалекте, значительно отличающемся от древнепермского языка» (Лыткин 1952б: 121).

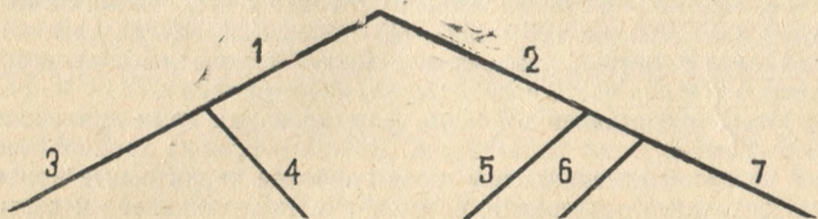
Это членение, как видно, не охватывает всей территории распространения коми языка, а лишь коми-зырянские диалекты. Поскольку в указанной работе не ставилась цель выяснить историю языкового членения, автор не выделяет диалектных признаков, лежащих в основе представленного членения. Историю некоторых звуковых изменений В. И. Лыткин рассматривал пятью годами позже (Лыткин 1957). К сожалению, языковых памятников сохранилось крайне мало, и они не во всем достоверны, поэтому сделанные на их основе выводы отчасти гипотетичны. Языковые памятники утверждают лишь, что современная вариативность в основном сложилась до 17—18 вв. Однако начало многих изменений по памятникам не удается определить.

При изучении истории языка нельзя упускать из виду, что вариативность зырянской, пермяцкой и язьвинской разновидностей целесообразно рассматривать все-таки как вариативность одного языка. Они еще недавно составляли континуум. Исторически, например, оньковский диалект ближе к коми-язьвинскому, лузско-летский — к коми-пермяцкому, а верх-лупьинский и верхне-камский — к коми-зырянскому, хотя сейчас они разделены. Языковедению это административное деление не должно служить помехой, несмотря на то, что на изменение самого языка со временем оно влияет.

В материалах гамбургского симпозиума по уральской диалектологии автором настоящей статьи сделана попытка опре-

делить основные ступени развития коми диалектов, учитывая всю территорию распространения языка (Hausenberg 1984: 34—37; 1985: 215—219). Связав распространение языковых вариантов с историческими данными и природными факторами, мы получили следующую схему формирования коми диалектов:

Членение 1 ступени (на 1—2) основывается на следующих признаках:

- 1) сохранение или варьирование $*-l$ в определенных позициях (тип варьирования на этой ступени не играет роли);
- 2) образование $-jd$, $-jt$ на месте $-d'$, $-t'$;
- 3) преклюзив;
- 4) лексические различия.

По этим признакам различаются северные и южные коми диалекты. Однако нет достоверных доказательств тому, что именно эти изменения самые древние, отражающие первоначальное членение языка. Р. Бейкер, например, подробно рассматривает варьирование $*-l$ в современных диалектах и приходит к выводу, что это варьирование сравнительно позднее явление (см. Baker 1985: 96-107). Среди диалектных параметров на первое место он выдвигает ударение и заключает, что базисными диалектами являются коми-зырянский, коми-пермяцкий и коми-язьвинский разновидности языка (Baker 1985: 60-62, 111-115).

В современной ситуации, разумеется, ударение является хорошим критерием диалектного членения, но отнюдь не обязательно характерно для древнейшего членения. Оказывается, что в древнекоми памятниках ударение значительно отличалось от ударения современных коми диалектов (см. Лыткин 1957: 105-108). Тем не менее, в литературе встречаются гипотетические намеки о существовании нуль-эловых диалектов еще в дестефановское время (ср., напр., Ляшев 1985: 51—52). Варьирование $-jd \sim -d'$ и $-jt \sim -t'$ встречалось несомненно уже в древнекоми памятниках, а также в заимствованиях из коми языка в обско-угорские языки (Лыткин 1957: 122—124). Палатализованные d' , t' и преклюзив характерны южной разновидности коми языка.

Основой дальнейшего членения (3—7) являлось варьирование гласных первого слога. Разные типы системы гласных можно условно связать с типами дальнейшего выривования *-l и с типами ударения (Hausenberg 1985: 217). Сходное членение получается по типам соответствий вторичного -v в начале слова, варианты которого встречаются уже в древнекоми памятниках (см. Лыткин 1957: 111—115). В южной группе членение совпадает с типами гласных, в северной группе же отделяется самая западная часть распространения коми языка.

Итак, представленная схема формирования коми диалектов, к сожалению, тоже гипотетична. До тех пор, пока хронологически не систематизированы даже наиболее характерные критерии диалектного членения, не может быть установлена и достоверная иерархия ступеней развития. Еще более, до сих пор мы не располагаем убедительными фактами, подтверждающими, что коми народ происходит от одного однородного племени, а коми язык — от инвариантного праязыка. Возможно, первопричина кажущегося даже бессистемным варьирования коми вокализма кроется в фонетических особенностях гласных у исходных племен или родов. Появлению разных типов чередования звука l в конце слога могли также способствовать региональные варианты произношения. Вполне вероятно, что расплывчатость диалектных границ тоже отражает сближение и объединение когда-то существовавших племен.

Обычно подчеркивается, что коми диалекты сравнительно близки между собой. В действительности эта близость несколько иллюзорна: значительные особенности наблюдаются по отдельным диалектам наряду с варьированием звуков и в системах спряжения и склонения, а также в деривационных суффиксах. Сближает же диалекты то, что изоглоссы в большинстве своем не совпадают. Между существенными различиями имеются переходные зоны: это диалекты или говоры, не обладающие уникальными чертами, но языковая система которых в целом не идентична никакой иной территориальной языковой системе. Вопрос в том, удастся ли выяснить, в какой мере эта разбросанность изоглосс является результатом миграций и поздних контактов и в какой мере ее можно объяснить варьированием языка исходных племен. Это могло бы способствовать и разрешению спорных вопросов этногенеза народа коми.

Как известно, археологи и лингвисты все еще не пришли к единому мнению о том, когда предки коми добрались до бассейна Вычегды. По общепринятому мнению лингвистов, отделившаяся часть Камско-Вятских пермских племен прибыла в Вычегодский бассейн на рубеже I—II тысячелетий, самое ран-

нее — в середине I тысячелетия. С кем они здесь встретились? По данным археологов, эту территорию населяли носители соответственно ванвиздинской или предшествовавшей ей гляденовской культуры, этническая принадлежность которых еще спорна. В новейших исследованиях по общему языкознанию подчеркивается, что языковые контакты, двуязычие и многоязычие, — это те факторы, которые обуславливают наиболее быстрое и значительное изменение языка. Если ванвиздинцы были далеки от пермян по языку, то результаты контактов и ассимиляции отразились в диалектных особенностях, которые заметно различали бы языковые системы Вычегодских и Камско-Вятских пермян. Если первообитатели Вычегодского бассейна были близкородственными пермянам племенами, языковые изменения здесь могли быть и незначительными.

Именно в этом аспекте заслуживают внимания более древние изменения в языке, отличающие, с одной стороны, коми и удмуртский языки, с другой — базисные варианты коми языка. Из фонетических особенностей, охватывающих всю территорию коми языка, мы можем упомянуть лишь одну: выпадение конечного $i(i)$. Местоимение на n -, которое считается традиционно

инновацией прибалтийско-финно-пермского периода, действительно наблюдается лишь в коми языке. Несомненно, системной разработки требует та часть основного лексического фонда, которая связана с древним образом жизни. Опираясь на новые археологические данные, Л. И. Ашихмина утверждает, что древнейшей основой в формировании пермских народов явилось уже ананьинское население эпохи раннего железа (VIII-III вв. до н. э.). Ананьинская этнокультурная общность характеризуется разными типами хозяйства: хозяйства производящего типа в Прикамье и присваивающего типа — на севере (Ашихмина 1985: 20—34). На некоторые лексические различия между коми и удмуртским языками указывал Р. Аустерлиц (Austerlitz 1985: 101—105). Отражают ли они расхождения типов хозяйства?

Однако нельзя спешить с выводами. Современные диалекты и языки все-таки не могут раскрыть всех имевших место в далеком прошлом процессов ассимиляции и мутации. Для получения достоверного представления мы должны четко определить, какие из имеющихся утверждений принимать как гипотезу и какие — как факт.